ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Рыхтика Павла Павловича на тему:
«Черногория в балканской стратегии Российской империи в 1903–1912 гг.: малое «буферное» государство как системный элемент военно-политического планирования»,
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Балканы были и остаются особой геополитической зоной, не только вызывающей пристальный интерес ученых и аналитиков, но и непосредственно влияющей на формирование глобальной повестки дня. Транзитное в географическом и культурно-историческом смыслах положение региона определяет непрекращающуюся борьбу акторов мировой политики за влияние на его страны. Однако существующие сегодня проблемы Балкан невозможно понять, и тем более найти пути их решения без обращения к их прошлому. Поэтому появление научных исследований, в которых проводится анализ специфики русской политики на Балканах в начале во многом трагического для стран региона XX века, кажется нам не только научно обоснованным, но имеющим глубокую практическую пользу.

Диссертационное исследование П.П. Рыхтика посвящено анализу содержания процессов и особенностей взаимодействия «крупных» и «малых» держав в рамках отдельного региона, что несомненно придает ему научную новизну. В качестве предмета для анализа этих процессов автор совершенно обоснованно выбрал Черногорию как специфического актора балканской подсистемы международного взаимодействия и элемента военно-политического планирования Российской империи в начале XX века. С методологической точки зрения, представленная работа демонстрирует пример междисциплинарного подхода к оценке места Черногории в общем векторе балканской политики России начала XX века.

Хронологическими рамками работы выступают два ключевых в истории балканских стран года. Первый - 1903 г., который знаменовался свержением в Сербии режима Обреновичей и началом Илиденского восстания в Македонии, что существенно отразилось на политике Великих держав по отношению Балканам. Верхним рубежным годом является 1912 г. – начало Балканских войн, приведших к перекройке политической карты региона. В целом данные хронологические рамки работы научно обусловлены, однако, при их обосновании хотелось бы увидеть их более четкую «привязку» к теме исследования, пояснив, например, как и в какой мере военный переворот 29 мая 1903 года в Сербии повлиял на изменение характера политики России конкретно к Черногории. В

этом смысле автор ограничился лишь кратким пояснением о назначении в Черногорию постоянного военного агента Н.М. Потапова. Отметим также, что категоричная характеристика режима Обреновичей как «проавстрийская» (С.4.) требует от автора некоторых пояснений.

Структура работы на первый взгляд выглядит вполне логичной, однако сама диссертация оставляет противоречивое впечатление. Это происходит от того, что автор поставил перед собой довольно разнообразные и сложные задачи, каждая из которых сама по себе может стать предметом отдельного изучения, а именно: исследовать специфику Черногории как «буферного» государства в системе международных отношений в начале XX века, показать роль страны в рамках проводимого Россией военно-стратегического курса, установить степень влияния русской военной миссии в Черногории на политическое развитие Черногории, определить характер влияния образов «малых» южнославянских народов в общественно-политическом сознании правящей бюрократии Российской империи на процесс принятия решений. Поэтому справиться с поставленными задачами автору удалось с разной степенью успешности.

При характеристике источников автор указывает, что опирается на документы государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и опубликованные материалы фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Однако сами фонды этого архива, содержащие уникальный документальный материал по заявленной теме диссертации, остались вне поля зрения автора. При этом диссертант замечает, что «для углубленного изучения международной системы, сложившейся на рубеже XIX-XX веков вокруг Балканского региона, как с точки зрения «великих держав», так и с позиций «малых» государств, привлекались материалы, опубликованные в специализированных сборниках дипломатических документов по вопросам внешней политики России и иных «великих держав» в отношении друг друга и «малых» государств Балкан». (С.17-18) П.П. Рыхтик имеет в виду выходившее в СССР в предвоенные годы многотомное издание «Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств» (МОЭИ) и подготовленный современными историками России и Сербии четырехтомный сборник документов «Москва – Сербия, Белград – Россия». Однако при дальнейшем чтении текста представленной работы мы не нашли следов их привлечения, в том числе и сносок на представленные в них документы. Исключение составляет публикация «Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.)», которая действительно используется в работе.

Заметим, что само исследование строится по большей части на опубликованном в 2003 году, благодаря усилиям черногорского историка Р. Распоповича и российской исследовательницы Н.И. Хитровой, двухтомном собрании документов «Н.М. Потапов – русский военный агент в Черногории». Представленные в диссертации документы РГВИА (ф.2000 – генеральный штаб) по сути дублируют материалы этого издания. При этом, содержащие интересный материал по анализу военно-политической ситуации в Черногории начала XX века, документы РГВИА из ф. 400 (Главный штаб), не нашли отражения в работе. Не были использованы в диссертации и документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), например - ф. 620 – Милица Николаевна, ф. 659 – Иоанн Константинович, ф. 102 и ф. 505 – документы департамента полиции и его балканской агентуры.

Историографический обзор представлен анализом основных работ по теме диссертации, однако он кажется нам недостаточно репрезентативен. Конечно, автор указал основные работы отечественных исследователей, или переводные труды зарубежных авторов, так или иначе связанных с темой его диссертационного исследования. Мы, однако, заметили, что многие, отмеченные в историографическом обзоре труды, в дальнейшем тексте работы никак не используются, а ссылки на этих авторов отсутствуют. К таковым относятся, упоминаемые только в обзоре историографии исследования С.Фея, Т.Толевой. Л. Вульфа и др. При этом вне поля внимания диссертанта остались работы сербских историков, таких как А. Митрович, М. Войводич, Р. Люшич (заслуживший лишь одно упоминание в сноске на стр. 70), С. Раич и др. При анализе черногорской историографии автор ограничился упоминанием трех историков – Й. Йовановича, Б. Павичевича, уже ставших классиками черногорской исторической науки, и ведущего современного исследователя Р. Распоповича. Однако вызывает удивление отсутствие в тексте диссертации отсылок к классическим книгам Новицы Ракочевича – видного черногорского исследователя, предметом изучения которого как раз и являлась Черногория начала XX века и ее место в международной политике перед Первой мировой войной. В этом смысле автору могли бы помочь материалы, публикуемые в ведущем черногорском историческом издании «Исторические Записи», тем более что архив этого журнала доступен в сети Интернет. (https://www.ucg.ac.me/objava/blog/21704/objava/17573-istorijski-zapisi) При анализе историографии не упомянуты и представители «новой» черногорской исторической мысли, последовательно занимающиеся конструированием новой черногорской идентичности, сотрудники Дуклянской академии наук (DANU) Ж. Андрияшевич и Ш. Растодер – авторы переведенной на русский язык в 2010 году «Истории Черногории». Анализ их исторической концепции места Черногории в

стратегии Российской империи начала XX также мог бы найти отражение на страницах диссертации.

В первой главе диссертации «Особенности балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. в свете системного подхода», автор уделяет большое внимание проблеме «буферных зон» в системах международного взаимодействия. Следует согласиться с тезисом автора, что «в сравнении с «великими державами» «малые» государства на Балканах имели второстепенное влияние на политику в регионе. В силу своего недостаточного, в сравнении с «крупными» полюсами силы, геополитического веса они были способны проводить не столько автономный и самостоятельный политический курс, сколько вынуждены выстраивать его в рамках политического курса ведущих держав и соизмеримо с их предписаниями. Однако подобный подход следует считать в недостаточной степени верным, так как определенное пространство для маневра, в том числе и влияния на полюса силы у политических лидеров «малых» государств, сохранялось» (С.44-45). При этом автор дает, используя методы политологической науки, теоретическое обоснование понятия «буферная зона». Сам по себе этот концептуальный сюжет несомненно представляет научный интерес (С.43-59). Однако в этом разделе четко прослеживается главная проблема диссертации. Привлечение инструментария политологии, что в определенной степени является новаторским шагом, увело автора в сторону от методов исторической науки, прежде всего от анализа источникового материала, что делает его заключения умозрительными. Методология и понятийный аппарат политологической науки. вырабатывались в процессе изучения Северной Америки и Западной Европы. Однако в балканских реалиях многие схемы просто не работают. Именно поэтому нам хотелось бы увидеть, как эти теоретические выкладки подкрепляются реалиями черногорской жизни. В данном разделе хотелось бы видеть больше исторической конкретики, новых архивных находок, нежели пространные политологические рассуждения автора об особенностях «буферных зон», в разные исторические эпохи, которые никак не связаны конкретным предметом его диссертационного исследования. Автор попал в ловушку формального анализа, что характерно для многих политологов, плохо знающих балканские реалии. В нашем случае реалии традиционного черногорского общества.

Вызывает интерес раздел главы, в котором описываются особенности балканской подсистемы международного взаимодействия в 1903–1912 гг. Согласимся с выводом автора, что «в случае с пространством «малых» Балканских стран в начале XX века речь идет о периоде не расцвета или упадка организующей пространство империи, но о периоде «ухода империи» из данного пространства. То есть наблюдается исчезновение

сверхмощного по отношению ко всем акторам региона организующего начала – Османской империи» (С.74). Однако позволим себе заметить довольно вольную трактовку и небрежность автора в использовании исторической терминологии – близкие по значению определения - «славянская идея», «славянская взаимность», «панславизм», «неославизм» отнюдь не являются синонимами, как это может показаться из чтения диссертационного исследования. Тезис же автора о том, что «с теоретической точки зрения в масштабах Балканской подсистемы международных отношений в начале XX века панславистские концепции могли стать решающим фактором, консолидирующим южнославянские идентичности в Черногории, Сербии и Болгарии под началом России», требует более детального пояснения на конкретных исторических примерах. (С.77). По крайней мере непростой характер сербо-черногорских отношений начала XX века, как это прекрасно показано в работах В.Б. Хлебниковой, говорит об обратном.

При этом автор справедливо замечает: «в конце XIX века значительный вклад в формирование образов «малых» южнославянских народов в русском общественно-политическом сознании внесли тексты, публикуемые в общественно-политических журналах и обозрениях», рассматривая в качестве таковых статьи, публиковавшиеся в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», появившийся осенью 1883 г. В данном случае выход автором за хронологические рамки своего исследования нам понятен. Однако диссертант свел свое изложение к простому пересказу статей, без какого-либо их критического осмысления. А главное, вне поля зрения автора остался ответ на вопрос - какое место в «панславистком дискурсе» занимала Черногория? Вывод же автора, что «русский политический курс в отношении Черногории в 1903–1912 гг. находился в дискурсивной и диалектической взаимосвязи и взаимозависимости с политическими целями Российской империи в Балканском регионе», выглядит тривиально, поскольку его очевидность вряд ли подлежит сомнению. (С.106)

Довольно убедительно выглядит данный автором во второй главе анализ состояния черногорской и сербской армий, что несомненно является достоинством данной работы. Однако многие утверждения, высказанные в данной главе, не получили своего логического развития. К таковым, например, можно отнести важные при принятии стратегических решений, но упоминаемые П.П. Рыхтиком лишь вскользь, династические связи между Романовыми и семьей князя (короля) Николы. Автор замечает, что в Королевство отправляются на службу инструкторами русские офицеры, однако ни слова не пишет об открытии в 1911 году кадетского корпуса, директором которого стал полковник генерального штаба В.Н. Егорьев. Не получили развития также и те разделы главы, которые посвящены влиянию панславистского дискурса на принятие Петербургом

стратегических решений по отношению к Балканам. В тоже время утверждение автора о том, что «малые» «буферные» акторы балканской подсистемы международного взаимодействия, такие как Черногория, были вынуждены выстраивать внешнеполитический курс с учетом господства в регионе панславистских идей», представляется нам сомнительным. По крайней мере политические и военные элиты Сербии и Болгарии таких идей не высказывали. (С.140) Тем более, что далее сам диссертант указывает, что в начале XX века «осмыслялись национальные амбиции для южнославянских государств, дискурсивно выливавшиеся в «великие» проекты национального толка. Подобные проекты подразумевали значительное расширение подконтрольных «малым» государствам территорий с формированием в итоге «великой Сербии», «великой Черногории», «великой Болгарии» и т. п». (С.172) Объяснение этого противоречия, того, как эти «мегали идеи» соотносились с панславизмом, не нашло отражения в диссертационном исследовании.

В третьей главе, рассуждая о концепции австро-венгерского «триализма», как альтернативе «грубому политическому курсу, нацеленному на подавление славянского элемента в империи» (С.146), П.П. Рыхтик делает логичный вывод о том, что «этот проект позволял Австро-Венгрии обернуть в свою пользу национальный фактор в региональной балканской политике, всегда удачно использовавшийся Россией». (С.148) Интересен также вывод автора о том, что «сформированные как противовес русскому идеологическому влиянию на Балканах «триалистические» идеи стали для Черногории одной из возможных альтернатив в рамках ее внешнеполитического курса», однако каких-либо убедительных аргументов в подтверждение этой мысли диссертант не привел. Указанные П.П. Рыхтиком примеры заигрывания черногорского правителя Николы с Италией и Двуединой монархией говорят лишь о желании «зятя Европы» получить сиюминутную личную выгоду, поскольку в патриархальной Черногории, при господстве структур традиционного общества, трудно отделить экономику от политики, они были встроены друг в друга. К процессам модернизации черногорское общество было не готово. Институциональные нововведения, порожденные качественно иной политической и экономической средой, в Черногории могли реализовываться лишь частично, наполнялись местным содержанием, а структурные преобразования не привели к исчезновению традиционных политических и социальных институтов. Поэтому показанные в тексте работы примеры распространения идей триализма в хорватской и словенской среде едва ли можно переносить на реалии черногорской действительности.

В этом же смысле множество вопросов вызывает параграф третьей главы «Социалистическая федерация как альтернатива для южнославянских государств в

восприятии русских наблюдателей и ее влияние на политику России и Черногории в 1903–1912 гг.». Прежде всего вызывает недоумение следующий пассаж диссертанта: «Большое значение для стимулирования подъема национально самосознания «малых» Балканских государств в начале XX века имело и то, какие территориальные приобретения обещались своим потенциальным союзникам Россией. В случае военного триумфа Россия обещала передать Сербии территории Боснии и Герцеговины для обеспечения ей в дальнейшем возможности реализовать даже программу сербохорватского государства с выходом к морскому побережью». (С.171) Зададим вопрос - какой военный триумф России имеется в виду, если в диссертации речь идет о периоде 1903-1912 гг., а в 1908 году произошла аннексия Боснии и Герцеговины?

Из текста диссертации можно предположить, что Черногория в начале XX века стояла на пороге формирования классов и политических партий европейского типа. Однако это было не так. Социалистические идеи, возникшие под влиянием европейских идей и особенно русских народнических школ, были порождением того же традиционного общества, что блестяще показано в работах А.Л. Шемякина и сербской исследовательницы Л. Перович. Как заметил в конце XIX века российский публицист Е.Л. Марков, «промышленности нет, а политика есть; на что же это нужно?».

Далее П.П. Рыхтик, используя документы РГАЛИ, анализирует балканские записи В.Я. Богучарского (Яковлева). Отметим, что сам анализ выполнен на высоком уровне, и вызывает определенный интерес. Но как это связано с темой диссертационного исследования? В начале XX века Балканы посещали многие представители российской радикальной оппозиции, многие из них высказывали свои личные соображения по вопросам создания балканской федерации (причем главный вопрос дискуссии, о чем упоминает и сам диссертант, был не черногорский, а македонский), а Богучарский был одним из многих. К примеру Л.Д. Троцкий, также посещал Балканы в канун Балканских войн и оставил не менее интересные заметки. В этой связи было бы более уместно, в рамках сформулированной темы диссертационного исследования, проанализировать взгляды на проблему создания балканской федерации не участников запрещенных в Российской империи политических объединений, а представителей российского МИДа, в частности известного российского дипломата Н.В. Чарыкова, а также венского корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства В.П. Сватковского - талантливого публициста, знатока положения дел на Ближнем Востоке и Балканах, имевшего обширные личные связи в среде славянских общественных деятелей.

Выводы диссертационного исследования в целом отражают его текст, но некоторые положения автора кажутся нам противоречивыми, как например, утверждения

автора об упадке к началу периода Балканских войн системы русской политики на Балканах «когда «отказал» всего один ее элемент – Черногория», а также тезис о том, «что фактор влияния на политику Королевства со стороны «простого народа» был переоценен русской агентурой, и все решила оторванная от низов правящая верхушка».

Следует, однако, заметить, что П.П. Рыхтик по-новому сформулировал исследовательские задачи, а сам текст диссертации имеет потенциал для дальнейших научных разработок. Автор предложил оригинальный взгляд на актуальный в отечественной и зарубежной историографии вопрос о влиянии «малых» государств Балкан на систему международных отношений. Многие замечания, высказанные в отзыве, носят дискуссионный характер. На основе этого можно прийти к выводу, что диссертация «Черногория в балканской стратегии Российской империи в 1903–1912 гг.: малое “буферное” государство как системный элемент военно-политического планирования» соответствует требованиям пп. 9 и 10 Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г.

Официальный оппонент:

Вишняков Ярослав Валерианович,
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всемирной и отечественной истории
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сведения об оппоненте:

Вишняков Ярослав Валерианович, доктор исторических наук. (специальность – 07.00.03 – Всеобщая история) e-mail: grand_mgimo@mail.ru 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. Тел.: +7 495 229-38-49.

Сведения об организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. Тел.: +7 495 229-40-49. e-mail: portal@inno.mgimo.ru.

7 сентября 2022 года